

УДК. 316.7
DOI 10.17223/1998863X/29/9

В.М. Маркина

СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДРУГИХ В СМИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА¹

Автор фокусируется на изучении стратегий конструирования инаковости на примере контент-анализа репрезентаций мигрантов в российской прессе. Мигранты как социально уязвимая группа Других характеризуются признаками отчуждения: противопоставления («приезжие – местные»), иерархизации и подчинения (власть – мигранты, второстепенные жители – «гости»), десубъективации («трудовые ресурсы»)

Ключевые слова: репрезентации Других, механизмы отчуждения, дискурсы, мигранты, социальное неравенство.

В истории западной культуры есть много примеров того, как некоторые свойства индивидов и групп, а вслед за этим и сами социальные группы воспринимались как Другие – далекие, странные, дикие, иррациональные, чужеродные либо угрожающие устоявшемуся укладу общества. Они представляли в качестве объектов подчинения в результате определенной культурной политики, когда социальное пространство разделялось на «центр» и «периферию», поляризуясь, и статус одних повышался за счет снижения статуса других.

К Другим в современном обществе могут быть отнесены различные группы: этнические и сексуальные меньшинства, люди с инвалидностью, мигранты, бедные, которые вытесняются за пределы «нормальных значений западной культуры» [4]. Социальная сплоченность общества оказывается под вопросом, ведь оно распадается на фрагменты, погрязшие в междоусобицах и усилиях по охране групповых границ. В задачи данной статьи входит изучение дискурсивных механизмов, способствующих разграничению «своих» от «чужих», объективации и подчинению Других. Вначале будет дан краткий обзор признаков, указывающих на наличие отчуждения Других в текстах СМИ. Затем с учетом этих переменных будет разработана программа контент-анализа репрезентаций социально уязвимых групп Других в прессе, на примере мигрантов. В последней части статьи будут представлены результаты применения разработанной схемы анализа.

Теоретические подходы к анализу репрезентаций инаковости

Разделение на «своих» и «чужих» и создание сопутствующих дихотомий – это упрощенная и привычная матрица бинарного мышления, которая используется для номинации и упорядочивания социального пространства [1]. Инструментами конструирования, а затем и вытеснения и подавления «другости», «инаковости», «нетипичности» выступают культурные институты и средства масс-медиа [2]. Репрезентации Другого в доминантной культу-

---

¹ В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14–18–03784.

ре связаны, как подчеркивает Фуко, с (вос)производством властных отношений: в дискурсе заложен потенциал отчуждения, который запускается алгоритмом политики репрезентации. Стремление власти контролировать Других, каталогизировать и стереотипизировать их черты и свойства, классифицировать по основанию приемлемости и неприемлемости их поведения реализуется путем бинарных разделений, стереотипов и ярлыков: здравомыслящий – безумный, нормальный – аномальный и предписания подчиненному объекту инструкций относительно того, кем он является и что и как он должен делать [3].

По контрасту с такими «двоичными» схемами социальных отношений в парадигме постмодерна социальная реальность представляет собой мультикультурную среду – гетерогенную, полицентричную, фрагментарную, с множеством локальных идентичностей, где социальные группы не просто заслуживают равенства, но и возможности сохранения за собой своей инаковости [5]. Поэтому единой системы ценностей, на основе которой устанавливается социальная сплоченность в ее традиционном понимании, в постмодерне просто не существует [6, 7].

Толерантность и доверие к социальным группам и институтам являются важными компонентами модели социальной сплоченности [8]. Френсис Фукуяма указывает на существование обратно пропорциональной связи между уровнем сплоченности группы «своих» и степенью враждебности по отношению к «чужим» в сообществах с репрессивной моралью, где установлены четкие границы между своими и чужими [9].

Ряд ученых подчеркивает прямое влияние масс-медиа репрезентаций на формирование социальной сплоченности, рассматривая высокую степень интолерантности общественного сознания в качестве наиболее опасного фактора дезинтеграции общества [10]. Важнейшую роль в конструировании мировоззрения индивидов играют именно репрезентации СМИ [11]. С помощью таких дискурсивных уловок и риторических технологий, как, например, подмена понятий, представление в негативном свете, отсылка к авторитетным источникам, достигается эффективность сообщения [12].

Интолерантность общественных представлений напрямую зависит от транслируемых в прессе и на телевидении стереотипов, от того эмоционального импульса, которым заряжены высказывания и изображения в СМИ. Развитие интолерантности в общественном сознании, ведущей к разобщенности, прежде всего, выражается в усилении негативного отношения, эксклюзии, неприязни к различным социально уязвимым группам. Как репрезентируются наиболее уязвимые группы в СМИ: бедные, иммигранты, старые или больные люди, инвалиды?

В исследовании, проведенном в 2013 г., мы проанализировали стратегии репрезентации Других в российской прессе на примере образа людей с синдромом Дауна. Были выделены основные категории и преобладающие контексты репрезентаций инвалидности – это подавляющий медицинский дискурс, изображающий людей с Даун-синдромом в терминах «болезни, патологии, лечения» и дискурс благотворительности, в рамках которого изображается жалость, сострадание к людям с ментальной инвалидностью [13]. В данном исследовании нас интересует еще и то, насколько включенными

в общественную жизнь изображаются социально уязвимые группы. Репрезентируются ли они в качестве активных/пассивных участников, способных к солидарности и сплоченности? Выявляя механизмы конструирования Других (othering) как нежеланных и чужих («unwanted others»), мы можем судить о дискурсивных стратегиях, способствующих сплоченности и разобщенности.

Согласно подходам к производству инаковости (см. подробнее [14]), существуют определенные признаки письма, указывающие на наличие процессов отчуждения в тексте. Исходя из анализа теоретических и эмпирических исследований, мы составили перечень признаков, указывающих на то, что в текстуальном или визуальном продукте происходит процесс отчуждения Других. Во-первых, инаковость, непохожесть нарочито подчеркиваются, превращаются в тексте в сущностные различия между изображаемыми и говорящими («уничижительная разница» [15]). При этом усиливается социальная дистанция с репрезентируемой группой «Других» за счет прочерчивания четких границ наше/не наше, подчеркивания «нежелательности» группы и выстраивания жесткой иерархии. Во-вторых, гетерогенные социальные группы воспринимаются в качестве гомогенной категории «Другие». Личный опыт и переживания изображаемого не демонстрируются, так как они оцениваются в рамках нормативной системы, т.е. нормализуются, лишаясь уникальности. Своеобразие и непохожесть «Другого» обесценивается, воспринимается как недостаток и отклонение.

В-третьих, высказывание теряет автора, анонимизируется. Происходит обращение не от конкретного говорящего, а как бы в целом от «своей» группы с ее нормативными ориентирами к другой группе, к категории людей, а не к конкретному человеку. В-четвертых, группа, индивид или их поведение воспринимаются в оценочных суждениях, выстроенных в форме бинарных оппозиций (хороший/плохой, нормальный/ненормальный, правильно/неправильно, опасный/безопасный и др.), где негативный полюс чаще всего приписывается «Другим», а положительный – собственной группе (механизм выстраивания идентичности по принципу «свой – чужой»). Наконец, группа или индивид подвергаются «пристыжению», обвинениям, унижениям, «символическому» насилию, угнетению (которые сводят любые попытки протеста и сопротивления к нулю). При этом изображенный лишается субъектности, позиции и голоса, способного выразить собственный опыт переживания (игнорируется либо становится объектом).

Программа исследования

Интолерантное изображение мигрантов как «Других» может подразумевать обесценивание «инаковости», изображение их как нежелательных, а, следовательно, исключение из основных контекстов. В данном исследовании основной акцент делается на анализе репрезентаций мигрантов в СМИ как инструмента производства дискриминационных, отчуждающих дискурсов, интолерантных представлений в общественном мнении. Исходя из этого, важно оценить, воспринимаются ли многообразие и инаковость как ценность? Насколько жестко происходит деление на «своих» и «чужих» и их противопоставление в российской прессе? Это главные вопросы, которые

определяют степень толерантности и плюрализма общественных представлений. Анализируя медиа дискурсы, мы будем опираться на выделенные механизмы конструирования инаковости и отчуждения «Других».

Целью исследования был анализ стратегий производства инаковости в российских СМИ на примере репрезентации образа мигрантов. Для достижения данной цели в нашей исследовательской программе¹ были поставлены следующие задачи и соответствующие им исследовательские вопросы. 1. Выявить ключевые элементы образов мигрантов (приезжих), отвечая на следующие вопросы: Какие эпитеты и определения используются? Каковы основные бинарные оппозиции в образах? Группы представлены как гомогенные или гетерогенные? Какую позицию занимают мигранты в дискурсе: активную, пассивную, иждивенческую и проч. Каковы основные роли мигрантов? Есть ли различия образов в разных выбранных газетах?

2. Определить контексты репрезентации образов мигрантов, отвечая на следующие вопросы: Какие проблемы или информационные поводы лежат в основе публикации? В какой сфере репрезентируются? Есть ли вытеснение группы мигрантов по отдельным сферам (деконтекстуализация)?

3. Идентифицировать превалирующие в прессе дискурсы изображения мигрантов. Например: дискурсы стыда, обвинения, страха, тревоги, угрозы, пользы, беспомощности и др. Выявить отношение властей и принимающего населения к мигрантам: например, положительное/ отрицательное/ нейтральное/ амбивалентное/ отсутствует. Есть ли различия в разных СМИ?

Итак, нас интересовали два аспекта анализа: 1) содержательная сторона образа – те характеристики, контексты, оценки, которые вызывают у читателей определенное эмоциональное отношение; 2) форма подачи (дискурсивные механизмы производства образа), в частности обобщение, превращение в объект, лишение голоса, игнорирование, насмешка или ирония, противопоставление, «пристыжение». Оба этих компонента могут выражаться в тексте как через лексические, так и через смысловые формы. Единицей счета выступили высказывания о мигрантах, встречающиеся в определенном смысловом блоке, которые могли носить противоречивый характер.

Подготовленный нами инструментарий был использован для проведения контент-анализа российских СМИ на предмет выявления ключевых элементов инаковости, отчуждения и стратегий формирования образа мигрантов в отечественном публичном дискурсе. Для начала мы провели разведывательное исследование с целью апробации кодировочного листа на выборке 100 статей «Российской газеты» за 2014 г. Рассмотрим результаты разведывательного исследования.

Результаты анализа

Единицей анализа выступила статья, затрагивающая тематику миграции, жизни, проблем и случаев с мигрантами, приехавшими в РФ из-за рубежа. Инструментарий исследования (кодировочный лист) содержал в себе следующие переменные: частота упоминаний о мигрантах и динамика публи-

---

¹ Благодарю Ольгу Рожкову и Дарью Присяжнюк за участие в составлении программы, инструментария и обработке данных.

каций (номер, дата выхода); название публикации и рубрики (если есть); лексические выражения, используемые для упоминания мигрантов (список дескрипторов); размер смыслового блока о мигрантах (менее четверти полного текста, от четверти до половины, от половины до трети всей публикации или полная статья); тональность публикации с фиксацией отдельных оценочных высказываний (позитивная, негативная, нейтральная); контексты статьи, в которых изображаются мигранты (экономический, политический, здравоохранение и др.); бинарные оппозиции, используемые при выстраивании образа мигранта; основные источники "голоса" (главное действующее лицо, высказывающееся о мигрантах).

В результате апробации предлагаемой исследовательской модели, мы работали ряд направлений по доработке инструментария контент-анализа. В частности, необходимо конкретизировать дескрипторы мигрантов для отбора статей, исходя из выявленного ряда вариантов («мигрант», «миграция», «переселенец», «выходец из ...», «приезжий», «гастарбайтер», «иностранец», «экспат», «иммигрант», «гости»). Привести выделенные бинарные оппозиции к формализованному виду, для дальнейшего удобства подсчета, добавить учет словоформ (эпитетов и глаголов), относящихся к мигрантам, выборочно отбирать публикации для дискурс-анализа (в том числе анализ визуального ряда). Кроме того, расширить базы данных статей: а) добавление в выборку издания-таблоида, а также оппозиционного издания, б) расширение временного периода анализа.

Было выявлено, что мигранты чаще упоминаются в связи с определенными событиями (рубрика «События и комментарии» – 55% публикаций), например: изменение миграционной политики, нарушение российского законодательства или случаи межэтнических конфликтов. Как правило, статьи имеют информационный и новостной характер, реже представлены аналитические материалы и интервью. Наиболее типичным является контекст экономических отношений, в том числе трудовых.

Авторы статей чаще всего не дают указаний на половозрастной портрет мигрантов, а используют прием обобщения и пишут о приезжих в целом. Однако если присутствует описание истории конкретного человека, то чаще говорится о мужчинах трудового возраста (25%). В принципе контекст трудовых отношений является ключевым, и, как правило, больше половины статей (52%) посвящены именно трудовым мигрантам – легальным и нелегальным в равной степени, приехавшим из стран СНГ, Средней Азии и Китая в крупные города и областные центры (чаще все же в Москву). Тем не менее в свете последних событий на Украине в значительной части статей говорится о беженцах, переселенцах и иммигрантах из этой страны. Приезжие на страницах «Российской газеты» предстают в качестве работников низкоквалифицированного труда, занятых в сфере домашнего и бытового обслуживания, строительства, автоперевозок, сельского хозяйства и торговли (28%), при этом упоминаются и случаи криминальной деятельности мигрантов. О быте и условиях проживания приезжих авторы упоминают редко, и все же если речь об этом заходит, то чаще всего говорится о плохо обустроенных помещениях – «резиновых квартирах». Анализ описания поведения мигрантов показал, что журналистов чаще привлекают истории об асоциальном поведении гос-

тей России – преступность, наркомания, алкоголизм и курение упоминаются в 27% высказываний. При этом интересно, что ни в одной из проанализированных статей не говорится о вероисповедании мигрантов, и религиозный контекст в принципе исключен из данного дискурса.

В изученных публикациях власть репрезентируется, прежде всего, в роли защитника государственных законов и интересов граждан (42%). Эта защита осуществляется в основном в области регулирования трудовых квот, правил въезда на территорию страны, мер безопасности совместного проживания мигрантов и местного населения, особенно в таких крупных городах, как Москва, Петербург, и их областях.

Нередко упоминания в прессе о мерах регуляции и ужесточения миграционной политики сопряжены с полным игнорированием интересов самих приезжих, что указывает, с одной стороны, на процесс социального дистанцирования местных властей и населения от приезжих, а с другой стороны, на позицию объективации мигрантов – восприятие исключительно в качестве объектов миграционной политики, лишенных права собственного голоса. В 22% репрезентаций мигрантам приписывается пассивная роль, тогда как не было выявлено ни одной статьи, где бы мигранты выступали в качестве самостоятельных индивидов, протестующих, сплоченных перед лицом угрозы групп. И это несмотря на то, что высок процент (30%) высказываний, в которых мигранты выступают жертвами, пострадавшими от насилия, агрессии со стороны местного населения, униженными или даже убитыми. Такое отсутствие дискурса солидарности, активности «приезжих» может объясняться страхом журналистов вызвать или усилить экстремистские или националистические настроения, витающие в обществе, так как изображения мигрантов как сплоченных, религиозно или культурно инаковых могут усилить тревогу и обеспокоенность среди коренного населения.

В большом количестве публикаций мигранты показаны как проблема, требующая решения (34%), как угроза (22%), вызывающая необходимость бороться, защищаться, противостоять и контролировать. А встречающиеся в статьях указания на взаимодействие населения с мигрантами, в 30% случаев репрезентируются в отрицательном ключе. Просматриваемый в статьях дискурс обвинения/осуждения связан с репрезентациями мигрантов в роли нарушителей трудовых, миграционных, жилищных законов (29%) или в роли виновников конфликтов (20%).

Особенности взаимодействия мигрантов с населением и властями заметно выделяются в репрезентациях официальной прессы. Было выявлено, что в проанализированных публикациях в целом в два раза чаще демонстрируется отношение к мигрантам именно со стороны властей, чем населения, причем действия властей характеризуются скорее положительно: как конструктивные, поддерживающие и защищающие мигрантов (55%). Больше половины статей вообще не содержат никаких указаний на отношение к мигрантам со стороны местного населения, существующие же упоминания в подавляющем большинстве (35%) репрезентируют местных как враждебно настроенных, встревоженных и недовольных «нежелательным соседством».

Власть в газетных изображениях предстает перед нами в образе балансирующего гимнаста, подталкиваемого необходимостью решительными мера-

ми защищать порядок в стране, при этом поддерживать мигранта, минимизируя конфликты. Власть позиционируется СМИ как буферная зона недовольства местных жителей и проблем, созданных приезжими. Причем проблемы самих мигрантов замалчиваются вместе с невниманием к их групповым потребностям и личностным интересам. Можно заключить, что мигранты в прессе рассматриваются как второсортные, скорее как объекты регулирования и контроля, что подтверждают также и выявленные оппозиции: местный/приезжий, свои/чужие, хозяева/гости. А под видом государственной поддержки преподносятся различные меры контроля, слежки, изоляции, разграничения. Направленные на предотвращение «межэтнических конфликтов» и протестных настроений со стороны недовольного местного населения, эти меры отражают тенденции к отчуждению и объективации аут-группы приезжих. В самом деле, ингрупповая сплоченность, выступая как ресурс властного управления, может приносить пользу в виде социального порядка, но в случае несоблюдения принципов инклюзивности и равноценности идет во вред, способствуя развитию различных форм деспотизма [16].

***

Таким образом, основными механизмами конструирования инаковости становятся противопоставление мигрантов и местных жителей, оценка мигрантов как менее достойных, которая указывает на существование определенной иерархии, где мигранты занимают подчиненное, второстепенное положение «*гостей*». Предварительные результаты анализа показывают, что в официальной прессе преобладают репрезентации от лица властей, чиновников, отсутствуют публикации, рассказывающие о субъективном опыте мигрантов, происходит игнорирование культурной уникальности и особенностей личности мигрантов, что приводит к их обесцениванию и восприятию скорее в роли «*трудовых ресурсов*», т.е. в терминах экономической полезности, чем в дискурсах равенства и ценности многообразия.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. URL: <http://socpolicy.ru/wp-content/uploads/2010/07/SociokultAnalizNetipichnosti.pdf>. (дата обращения 28.02.2015)
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
4. Spivak G., From A. Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.
5. Rogers M.F., Ritzer G. (Eds.). Multicultural Experiences, Multicultural Theories. New York: The McGraw-Hill Companies Inc., 1996.
6. Лэш С., Урри Дж. Хозяйства знаков и пространства (введение) // Экономическая социология, 2008. Т. 9, № 4. С. 49–55.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
8. Jenson J. Mapping social cohesion: The state of Canadian Research // Canadian Policy Research Networks, CPRN Study, № F/03, 1998.
9. Фукуяма Ф. Доверие: соц. добродетели и путь к процветанию. М.: Ермак, 2004.
10. Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.
11. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: Институт философии и права, 1999. 129 с.

12. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 2001. 286 с.
13. Маркина В. Политика репрезентации людей с синдромом Дауна в современной публичной сфере // Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов (ред.) Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М.: ООО «Вариант», ЦСПИ, 2013. С. 187–206.
14. Маркина В.М. Механизмы производства инаковости в дискурсе: теория и методология анализа (на примере одного кинотекста) // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 1.
15. Брайдотти Р. Различие полов как политический проект номадизма // Е. Здравомыслова, А. Темкина (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. С. 220–250.
16. Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 4. С. 41–61.

Markina Valeriya M. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: leramarkina@yandex.ru DOI 10.17223/1998863X/29/9

THE STRATEGIES OF OTHERING IN MEDIA REPRESENTATIONS: THEORY AND METHOD OF CONTENT ANALYSIS

Keywords: representations of Other, othering mechanisms, discourse, migrants, social inequality.

There are many examples in the history of Western culture of how some of the social groups perceived as 'Other' - strange, wild, irrational, alien or threatening to social order. They appeared as objects of subordination in the process of certain cultural policy that is divided social space into the "center" and "periphery", polarizing into the "us" and "them". The status of some increased by reducing the status of the Other. Different groups can be attributed as Other in modern society, for example: ethnic and sexual minorities, people with disabilities, migrants, poor, that exclude from the "normal values of Western culture" (Spivak, 1999). Social cohesion is questionable, because the society breaks up into different fragments influenced by efforts to protect the group boundaries.

The objectives of this paper include the study of discursive mechanisms that are used for the division of "ours" from "aliens" and leading to objectification and subordination of the Others. At the beginning, based on the analysis of theoretical and empirical sources were identified certain signs, indicating in the text the presence of alienation process. Next, according to these attributes was created the program of content analysis of media representations of vulnerable groups, for example, migrants. As a result, it was found that migrants depicted in press as Other. Their images are characterized by signs of alienation: the opposition (using binary categories "locals-newcomers"), hierarchization and subordination ("hosts-guests"), desubjectivation (migrants are the "workforce"). In sum, the preliminary results of the analysis show that the official press is dominated by representation on behalf of the government, officials. There are no publications that describe the subjective experience of migrants. There is a neglect for cultural uniqueness and personality characteristics of migrants, which leads to perception of them in terms of economic value as a "workforce", more than in the discourses of equality and values diversity.

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Translated from English by V.L. Inozemtsev. Moscow: Logos Publ., 2005. 390 p.
2. Yarskaya-Smirnova E.R. *Sotsiokul'turnyy analiz netipichnosti* [The socio-cultural analysis of the atypical]. Saratov: SGTU Publ., 1997. Available from: <http://socpolicy.ru/wpcontent/uploads/2010/07/SociokultAnalizNetipichnosti.pdf>. (Accessed 28th February 2015)
3. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem Publ., 1999.
4. Spivak G., From A. *Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. 449 p.
5. Rogers M.F., Ritzer G. (eds.). *Multicultural Experiences, Multicultural Theories*. New York: The McGraw-Hill Companies Inc., 1996.
6. Lash S., Urry J. Economy of signs and space (introduction). *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Journal of Economic Sociology*, 2008, vol. 9, no. 4, pp. 49–55. (In Russian).

7. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [The risky society. On the way to another modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000. 384 p.
8. Jenson J. Mapping social cohesion: The state of Canadian Research. *Canadian Policy Research Networks, CPRN Study*, 1998, no. F/03.
9. Fukuyama F. *Doverie: sots. dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Translated from English by M. Kolopotin, D. Pavlova, V. Kiryushchenko. Moscow: Er-mak Publ., 2004. 730 p.
10. Semenova A.V., Korsunskaya M.V. *Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniya* [The content analysis of media: problems and experience in the application]. Moscow: Institut for Sociology RAS Publ., 2010. 324 p.
11. D'yakova E.G., Trachtenberg A.D. *Massovaya kommunikatsiya i problema konstruirovaniya real'nosti: analiz osnovnykh teoreticheskikh podkhodov* [Mass communication and the problem of reality construction: the analysis of the main theoretical approaches]. Ekaterinburg: Institut for Philosophy and Law Publ., 1999. 129 p.
12. Cialdini R. *Psikhologiya vliyaniya* [Psychology of influence]. Translated from English by E. Volkov, I. Volkova, O. Puzyreva, E. Bugaeva. St. Petersburg: Piter Publ., 2001. 286 p.
13. Markina V. *Politika reprezentatsii lyudey s sindromom Dauna v sovremennoy publichnoy sfere* [The policy of representation of people with Down syndrome in the modern public sphere]. In: Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V. (eds.) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi* [The public sphere: the theory, methodology, case study]. Moscow: Variant Publ., 2013, pp. 187–206.
14. Markina V.M. *Mekhanizmy proizvodstva inakovosti v diskurse: teoriya i metodologiya analiza (na primere odnogo kinoteksta)* [Mechanisms of production of otherness in the discourse theory and methodology of the analysis (as exemplified in one cinematext)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*, 2015, vol. 13, no. 1.
15. Braidotti R. *Razlichie polov kak politicheskiy projekt nomadizma* [Gender difference as a political project of nomadism]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Khrestomatiya feministских текстов. Perevody* [The collection of feminist texts. Translations]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2000, pp. 220–250.
16. Yarskaya-Smirnova E.R., Yarskaya V.N. *Sotsial'naya splochnennost': napravleniya teoreticheskoy diskussii i perspektivy sotsial'noy politiki* [Social cohesion: trends and prospects for theoretical discussion of social policy]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 41–61.